

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гордей Карпыч Торцов, богатый купец.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордеевна, их дочь.

Любим Карпыч Торцов, его брат, промотавшийся.

Африкан Савич Коршунов, фабрикант.

Митя, приказчик Торцова.

Яша Гуслин, племянник Торцова.

Гриша Разлюляев, молодой купчик, сын богатого отца.

Анна Ивановна, молодая вдова.

Маша; Лиза, подруги Любви Гордеевны.

Егорушка, мальчик, дальний родственник Торцова.

Арина, нянька Любви Гордеевны.

Гости, гости, прислуга, ряженые и прочие.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святков.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая приказчичья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка (читает). «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться). Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. (Читает.) «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» (Зажимает пальцем.) Только такой сердитый, что беда! Я уж ушел – все ругается. (Читает.) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду...»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка (опять зажимает). На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покотился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. (Читает.) «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя (взглянув в окно). Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка (прячет сказку в карман). Побежать наверх. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Митя (один). Эка тоска, Господи!... На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!... Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!... А тут еще... Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. (Садится к конторке и задумывается, потом запекает.)

Красоты ее не можно описать!...
Черны брови, с поволокою глаза.
Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это... ах!... Я так думаю, и не привидано такой красоты! (Задумывается, потом поет.)

Уж и где ж эта родилась красота...
Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!... Душу-то всю истерзал тосковавши. Ах ты, горе-гореваньице!... (Закрывает лицо руками и сидит молча.)

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенок почете.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду непременно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?...

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости Господи!

Митя (подавая стул). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. (Садится.) Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!... Подружились ведь так, что н^о-поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор – и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего стоит! Мне, говорит здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский,

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru больше всё в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай Бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно – хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!... Надень, говорит, чепчик!... Ведь что выдумает-то!... Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спяну-то, должно быть, у него (показывая на голову) и помутилось. (молчание.) Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!... Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русской-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!... Ан вот есть!... А у него все нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (встает.) Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька уж к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись;

Гуслин садится на кровать и берет гитару.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!... И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обидает да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо – люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин. Отчего же так?

Митя (встает). Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Гуслин. Скажи мне.

Митя (махнув рукой). Зачем!

Гуслин. Да скажи, что за важность!

Митя. Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин. А почем знать?

Митя (подходит к Гуслину). Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин. Что ты, Митя?! Да как же это?

Митя. Да вот как-никак, а уж сделалось.

Гуслин. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не роживаться.

Митя. Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!...» (Говорит с сильными жестами.) «Полюбил я красну девицу, пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Гуслин. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, – да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжелше будет.

Митя (декламирует).

Что на свете презестоко? –

Презестока есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты кольцова? (Останавливается.)

Гуслин. Читал, а что?

Митя. Как он описывал все эти чувства!

Гуслин. В точности описывал.

Митя. Уж именно что в точности. (Ходит по комнате.) Яша!

Гуслин. Что?

Митя. Я сам песню сочинил.

Гуслин. Ты?

Митя. Да.

Гуслин. Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя. Хорошо. На, вот. (Отдает ему бумагу.) А я напишу немного – дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. (Садится и пишет.)

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос;

Разлюляев входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! (Наигрывает на гармонии и приплясывает.)

Гуслин. Эко дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно на что – играть. Вот так... (Играет.)

Гуслин. Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!... Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег что ли у нас нет? (Бьет себя по карману.) Звенят. У нас гулять – так гулять! (Бросает гармонию.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Митя (ударяет Митю по плечу), а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. (Продолжает заниматься.)

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух, ходи!... (Поет: «Одна гора высока» и проч.) Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж, у нас денег что ли нет? Вот они!... А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя. Ну гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин (Мите). Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин (поет).

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи.
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!...
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не заноба-девушка –
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватит. (Вздыхает.) Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть – нынче праздник. (Поет.)

Ух! Как гусара не любить!

Это не годится!
Подыгрывай, Яша.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно! (Садятся.)

Гуслин (запевает; Митя и Разлюляев подтягивают).

Размолодчики вы молоденькие,
Вы дружки мои...
Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! (Мите.) И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед! (Походит к столу и рассматривает бумаги.) Что бумаги-то разбросал!...

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч (берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами). А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно, для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?... А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сертучишко новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обр□зил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пуцай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет; образоваться хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! (Сквозь зубы и косясь на Митю.) Дурак! (Помолчав.) Ты и не смей показываться в этом сертучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! (К Разлюляеву.) А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этаким зипунишке водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый... сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублей аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч (строго). Что?

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно умешь! Говорить-то с вами – только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя (Гуслину). Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья – запьешь, право запьешь! А ты брось, не думай. (Запевает.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.
Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!... Какими судьбами?...

Анна Ивановна. А никакими, просто – взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй – не хочу!...

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, – пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и люблю.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то! Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха!... Это вы, Анна Ивановна, я точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша (Лизе). Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас очень странно и, можно сказать,

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!... Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, мы знаем! (Приплясывает.)

Как гусара не любить!
Это не годится!

Анна Ивановна (подходит к Гуслину). Что же ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин (играя на гитаре). А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. (Кивает ей головой.) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь!... Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи! (Говорят шепотом.)

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам уже вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. (Становится фертом.) Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю – полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дожدهшься от вас, как же! (Пляшет.)

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна (взглянув на Митю). Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша. Конечно.

Анна Ивановна (подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запекает).

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит –
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.
Митя. На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем на чей.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!

Разлюляев (поет протяжно).

Летал медведь по поднебесью..
Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза. Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. (Поет.)

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться –
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.
(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овес –
Больно дорого провоз!
Видите, погода какова!
Маша. Это к нам не относится.

Лиза. Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла – да не девка; с хвостом – да не мышь?

Разлюляев. Это штука мудреная!

Анна Ивановна. То-то мудреная!... Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдете.

Девушки встают и собираются идти.

Парни, пойдете.

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна (пока собираются).

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незванный гость.
Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любви Гордеевны, затворяет и не пускает ее.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна (у двери). Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!... Ах, какие! (Отходит от дверей). Баловницы, право!...

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Митя (подавая стул). Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, увидевши вас у себя.

Любовь Гордеевна (садится). Чему тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!... Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастье-с...

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!... Для чего же-с!... (Вынимает из кармана бумагу.) Позвольте мне презентовать вам мой труд... как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна (стараясь скрыть радость). Еще, может быть, глупость какая-нибудь... не стоит читать.

Митя. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учимшись.

Любовь Гордеевна. Прочитай.

Митя. Сейчас-с. (Садится подле стола и берет бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.)

Не цветочек в поле вянет, не былинка, -
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастье себе да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девице не быти.
Любовь Гордеевна (сидит несколько времени задумавшись). Дай сюда. (Берет бумагу и прячет, потом встает.) Я тебе сама напишу.

Митя. Вы-с?!

Любовь Гордеевна. Только стихами я не умею, а так, просто.

Митя. За великое счастье почту для себя ваше такое одолжение-с. (Дает бумагу и перо.) Извольте-с.

Любовь Гордеевна. Жаль только, что скверно пишу-то. (Пишет.)

Митя хочет заглянуть.

Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Любовь Гордеевна (положив перо). Пиши, пожалуй... Только пальцы все выпачкала, кабы знала, лучше бы не писала.

Митя. Пожалуйте-с.

Любовь Гордеевна. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. (Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.)

Митя. Будет по вашему желанию-с.

Любовь Гордеевна (встает). Придешь к нам наверх?

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Митя. Приду-с... сию минуту-с.

Любовь Гордеевна. Прощай.

Митя. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна. Ах!

Любим Карпыч (указывая на Любовь Гордеевну). Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сумнение.

Любовь Гордеевна. Это вы, дяденька!

Любим Карпыч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доказчик, а кладу все в ящик, – разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна. Прощайте! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя. Милости просим.

Любим Карпыч (садится). Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское – бррр... И руки-то озябли, и ноги-то ознобил – бррр...

Митя. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то... как собака замерзну.

Митя. Как можно, что вы говорите!...

Любим Карпыч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам; а денег нет – нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!... Деревни не купишь!... Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

Митя. Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Любим Карпыч. Зачем я пью?... От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?

Митя. Так вы лучше перестаньте.

Любим Карпыч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

Митя. Какая же это линия?

Любим Карпыч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да векселями. Ну, уж как он там разделил – не наше дело, Бог ему судья! Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил...

Митя. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Любим Карпыч. Я все трагедию ходил смотреть, очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный. (Встает.) «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» (Садится.) Таким-то п□бытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут!

Митя. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Любим Карпыч. Как жил? Не дай Бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на Божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят... Все видели, какие я штуки выделявал, на лихацах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый... Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! (Сидит повеся голову.) Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная – воровать. Да не гожусь я на это дело – совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

Митя. Последнее дело!

Любим Карпыч. Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожись с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

Митя. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Любим Карпыч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку – не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну вот слушай! Простудился я в городе – зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходиться, хмелю-то нет в голове – страх на меня напал, ужась на меня нашла!... Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решил, как совсем выздоровею, так сходить Богу помолиться да идти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!... Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, – куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну да, я думаю, Бог с ним, у него вот эта кость очень толста. (Показывает на лоб.) Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи... (Дремлет.) Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя. Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч (встает). Митя, ты мне денег не давай... то есть много не давай, а

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!... Только я немного... ни-ни!... Будет дурачиться.

Митя (вынимает деньги). Вот извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч (берет). Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра не надо. Ты дай мне еще семитку, вот и будет в настоящий такт. (Митя дает.) Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! (Ложится.) Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство – зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все... Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается... фу, фу, фу, трр!... вот как брат, да как я, скотина... (Полусонным голосом.) Митя, я ночевать к тебе приду.

Митя. Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любим Карпыч (засыпая). А я с братом смешную штуку сделаю. (Засыпает.)

Митя (подойдя к двери, вынимает письмо из кармана). Что-то тут? Боюсь!... Руки дрожат!... Ну уж, что будет, то будет – прочитаю. (Читает.) «И я тебя люблю. Любовь Торцова». (Схватывает себя за голову и убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна. Что ж это они не идут, соколы-то наши?... Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. (Обнимает ее.) Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна. Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!...

Анна Ивановна. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна. Парень-то хороший... Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем, да и поблекнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он... Потолкуете по душе. (Уходит.)

Входит Митя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с, Митя.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шел?

Митя. Меня задержали-с. (Подходит.) Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна. Одна. А что?

Митя. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна. Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя. Конечно, любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тем заверить. что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя. Это неправда-с.

Любовь Гордеевна. Право, мне так сказывали.

Митя. Если б это было правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Любовь Гордеевна. Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

Митя. Пуцай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна. Почем знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! (Отворачивается.)

Любовь Гордеевна. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. (Берет его за руку.)

Митя. Эх, любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.

Любовь Гордеевна. Да не сердись.

Митя. Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! (Обнимает ее.) Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна (прижимаясь к нему). Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна. А ну, как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя. А вот что, Люба: одно слово – надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. (Прилегает к нему на грудь.) А ну как тятенька да не захочет нашего счастья, что тогда?

Митя. Что загадывать вперед, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Любовь Гордеевна. Идет кто-то!... Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

Митя тихо уходит; Арина входит со свечой; Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

Арина. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмеяна царевна.

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. (Смотрит по углам.) И я-то, дура, на кого подумала! (Зажигает свечи.) Ведь ишь ты, грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (Пляшет.)

Арина. Чему ж ты рад-то, глупый!

Егорушка. Еще б не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!... (Прыгает.)

Арина. Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка. Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина. Да что ты, постреленок?

Егорушка. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина. А ты сам нарядись.

Егорушка. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина. Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка. В секунт! (Уходит.)

Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушками-то?

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть попоют с нашими-то. Любушку с гостьями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды... да; известно, дело девичье, взаперти да взаперти, свету не видят... Ну, а теперь их праздник... да, уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которым; ну, а молодым пряничков, конфеток, там что знаешь... да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю! Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас!

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все с удовольствием сделаю. (Уходит.)

Пелагея Егоровна (подойдя к двери). Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (старухам). А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле нее; Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале, обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наш ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. (Продолжает.) Но за что же, маменька, я должна его любить... (Говорит шепотом.)

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит, что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая... да... чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели... да, в родню в свою: у нас весь род веселый... песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница – и попеть, и поплясать – уж меня взять... да... что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомнешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Разлюляев (девушкам). Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то каково? За что в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Гуслин (поет).

За реченькой за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад –
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать –
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плесть –
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку –
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать –
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.
Арина (входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками). Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (девушке). Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят – мы старухи, да... (Пьют.) Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вот, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. (Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.)

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! (Подходит с Гуслиным и пьет потом, ухватив Арину.) Ну-ка, потрянем стариной! (Поет.)

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерему, про Фому...
Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев (поет).

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!... Ну те совсем! (Уходит.)

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев (топнув ногой). У нас вот как! (Перестает плясать.)

Егорушка (входит). Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,

Пеки пироги.

Слава!

К тебе будут гости,

Ко мне женихи.

Слава!

К тебе будут в лаптях,

Ко мне в сапогах.

Слава!

Кому спели -

Тому добро.

Слава!

Кому вынется -

Тому сбудется.

Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдает Любви Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.

Девушки (запевают).

Сидит воробей

На Беле-городе.

Слава!

На Беле-городе,

На высокой стене.

Слава!

Глядит воробей

На чужу сторону.

Слава!

Кому вынется -

Тому сбудется.

Слава!

Арина (входит). Ряженные пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна. Что ж, пусти, пусть попляшут. А вы, девушки, после почете.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и ряженные: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Старик (кланяется). Всей честной беседе поклон.

Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прикажете попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. (Запевает.)

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткнут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали –
Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошням
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят –
Во кабаки идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабаки скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.
(Отходит в сторону.)

Егорушка (пляшет с патокой).

Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Зима, зимушка-зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая –
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Сидит моя женка,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходит,
Хорошо гуляет.
(Кланяется.)

1-я гостья. Ишь ты какой молодец!... а!

Пелагея Егоровна. Что ж, матушка, по детству, как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На тебе пряничка... (Дает.)

Егорушка кланяется и уходит.

Да... ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

Старик (поет).

Как у нас-то козел
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил -
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел,
Он во темный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.
Вожак (медведю). Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

Пелагея Егоровна. Аринушка, попотчуй ряженных-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

Вожак. А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ. А как красные девицы, молодые
молодицы белятся, румянятся, на молодых поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбимшись, съжимшись, пришибла ее
старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честным господам. (Отходят.)

Старик играет на гитаре, прочие ряженные пляшут; все на них смотрят; Гуслин и
Митя стоят подле Любви Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует; Разлюляев
подходит.

Разлюляев. Это ты что делаешь?

Митя. А тебе что за дело?

Разлюляев. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя. Ты у меня пикни только!

Гуслин (наступает на него). Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда:
дело-то ночное, а переулочек-то у вас глухой, так ты помни это!

Разлюляев. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что,
взяли! Да, женюсь!

Митя. Увидим.

Разлюляев. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!... А у нас денег
много!...

Арина. Ведь ишь ты шум какой!... Перестаньте вы!... Никак, кто-то стучит...

Все прислушиваются.

Так и есть... стучат.

Пелагея Егоровна. Отопри поди.

Арина (уходит, потом возвращается). Сам приехал!

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч (к ряженым). Это что за сволочь!... Вон! (К жене.) жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (Тихо.) Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе... Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками... Да, я все с девушками. Что ж, Святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(К жене). Гони девок-то вон!

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит... Хе, хе, хе... Они попоют, а мы послушаем, да посмотрим на них, да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобой! Но ты не заключай из этого про наше необразование – вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову. (К жене.) Сколько раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было по всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов... старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни. Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан

Савич, винца с нами, со старухами. (Наливает мадеры.)

Гордей Карпыч (строго). жена! С ума, что ль, сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать... полдюжины... да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой эффект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама все сделаю. (Встает.) Аринушка, пойдём. Извините, соседюшки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдём. У; нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!...

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев.

Коршунов. Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! (Подходит к Любови Гордеевне.) Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!...

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить.

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!... Хе, хе...

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно... (Целуется.)

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку.

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!...

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность!

Гордей Карпыч (подходя к Мите). Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.

Коршунов (садясь подле Любви Гордеевны). Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе! а я вам подарочек принес.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе... (Отдает.)

Любовь Гордеевна. Это серьги. Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. (Берет и целует.) Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе! очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что же мне вас не любить?

Коршунов. За что? Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар... (Смотрит на нее.) Али старенек? хе, хе, хе... Ну что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
ведь денег-то нет, я человек бедный... Так каких-нибудь сот пять тысяч... хе, хе,
хе, серебром!... (Берет за руку.)

Любовь Гордеевна (вставая). Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придет.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я
поцелую.

Любовь Гордеевна (дает руку). Ах, Боже мой!

Коршунов. Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (Гладит своей рукой и потом
надевает бриллиантовый перстень.)

Любовь Гордеевна (освобождая руку). Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось не разорит.

Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите кому хотите. (Снимает и отдает.)

Коршунов. Дают, так назад не берут... хе, хе, хе.

Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдем-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч (откупоривает, наливает и подносит). Дорогому гостю Африкану
Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно!

Коршунов берет.

Гордей Карпыч (берет стакан). Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого вина-то... ну, да уж выпью
стаканчик.

Девушки (запевают).

А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Африкан-от холост,
Савич неженатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится;
К лугам подъезжает -
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов (садясь подле Любови Гордеевны). Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка,
подойди сюда которая-нибудь. (Девушка подходит, он ее треплет по щеке.) Ишь ты,
врогглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые,

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru на румяна на алые... хе, хе, хе... а у меня денег нет, за мной будет... хе, хе, хе... Держи фардук. (Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.) Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи жене-то, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, – будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили... Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, батюшки! (Хватает дочь.) Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!... Перестань!... Истомил всю душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь!... Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано – сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. (Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)

Любовь Гордеевна (подходит к отцу.) Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!...

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело – ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело – я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею ослушаться. Тятенька! (Кланяется в ноги.) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!... Передумай, тятенька!... Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!...

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. (Встает.)

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! (Кланяется и отходит к матери.)

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадьбишную!

Девушки (поют).

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленом,
Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!...

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитяtko ты мое!... Девушки, голубушки, вот какую запоемте. (Запевает.)

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница.
В ночь ночная богомольница,

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядячи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешный!
Любовь Гордеевна. В останешный.

В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери; подруги окружают ее.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкапами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тесно. Вообще, эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арина сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько девушек и женщин.

Арина (указывая в залу). Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подружек. Не успели и опомниться!... Уж и что это на белом свете деется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордей Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да польстись на его богатство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она моя голубушка, сидит – на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопчочах берегла!... А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковались. Не отдадим, говорю, тебя, дитяtko, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет, да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается – любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну вот покушали, встают, ступайте за дело. (Встает со стула.)

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола собирать... да... А я отдохну, посижу – устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!...

Пелагея Егоровна (садится на диван). Ох... Да самовар-то чтоб туда подали в девичью, большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли-ко мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да... поди, поди... Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то... И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что... Право... да... (Садится задумавшись.) Какой это жених, какой жених... ах, ах, ах!... Где тут любви ждать!... На богатство что ли она польстится?... Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого... Вот бы и житье... вот бы и рай...

Анна Ивановна входит.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди, разлей гостям-то; ну да там все, что нужно, уж сама знаешь. Я-то уж ноги отходила, а тебе что – ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. (Берет ключи.)

Пелагея Егоровна. Вон там в шкапу чай-то, в ящичке в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя (сдерживая слезы). Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения, и даже чего, может быть, и не стою... как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери... я... вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда Богу молить-с. (Кланяется в ноги.)

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (Встает.)

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. Надолго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя (переминаясь). Да так уж!... Уж что же... я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь. (Молчание). Так, думаю, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно... Мы тебя не держим, Бог с тобой... Прощай!...

Митя (кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается). Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься... Что ж, ведь в одном доме жили... Либо жив буду, либо нет...

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!... Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (покачивая головой). «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит слезы ронит, любил, да не взял». (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна и Митя.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его
размыкать-размотать, не придумаю... Ровно меня громомшибло, в себя не приду.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея
Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна. Сами... сами... да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля;
кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя. Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя
дурного, не слышать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть,
Любови Гордеевне за таким человеком, и притом в отдаленности, совсем погибать
надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори... и без тебя тошнехонько.
Глаза-то все проглядела, на нее гляючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее
про запас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (почти плача). Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай,
ваша родная дочь!...

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы не плакала и не убивалася, не
надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу
отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты
пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстроиваешь. А ты бы,
Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может,
тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно как
матушке родной откроюсь. (Утирает глаза платком.) Вечор-то, как у вас
вечеринка-то была... (Слезы мешают говорить.)

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори...

Митя. Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам,
матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас,
а нам уж друг без друга не жить (утирает слезы); а нынче вдруг поутру слышу...
опустились мои рученьки!...

Пелагея Егоровна. Что ты?!

Митя. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ах ты сердешный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя
посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна. Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке
к своей.

Митя (кланяется). Прощайте, Любовь Гордеевна!... Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна. Прощай, Митя! (кланяется.)

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Пелагея Егоровна. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет Бог и свидеться... да... что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет; Митя тоже плачет.

Будет будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

Митя. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! (Подходит к Пелагее Егоровне.)
Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого, аль нет?

Пелагея Егоровна. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя. Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна. Говори.

Митя. Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки – да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке – да и повенчаемся. Эх! дайте душе простор – разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спohватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посудди?

Митя. Конечно, без благословенья что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна (становится на колени), а Гордей Карпыч, может... и сам по времени как-нибудь...

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла... да... помешалась. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилась... Горько, горько моему сердцу, голубчики!...

Любовь Гордеевна (подходит к Мите). Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (Поднимает его.) Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалась?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

Митя. Ну, знать, не судьба!

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! (Кланяется Пелагее Егоровне.) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна. Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай Бог тебе счастливо... а мы тебя не забудем.

Митя кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пелагея Егоровна и Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка... ах! А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться... да. Что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!... да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна. Ну, маменька, что там и думать чего нельзя, только себя мучить. (Сидит молча.)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна. Войдите, батюшка.

Коршунов (входя). А, вот она, невеста-то моя, куда спряталась... хе... найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна. Изволь, батюшка. (Уходит.)

Коршунов (садится подле Любви Гордеевны). Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вот я и постарше, да не плачу... (Смотрит на нее пронизательно.) Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя (берет руку и целует), глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом – и не знает, чем утешить. (Целует у нее руки.) А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить... Вот вам раз... А то вот еще что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, – глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдут попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршунов. А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть, – гораздо побольнее будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! (Смеется судорожно и с кашлем.) А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заламается, заважничает. А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет – прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал... (Целует.) Вот так.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Любовь Гордеевна. А вас та жена... покойная любила?

Коршунов (смотрит на нее пристально). А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Коршунов. Знать хотелось?... (встает.) Нет, не любила, да и я не любил ее. Она и не стоила того, чтоб ее любить-то. Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна. Любви золотом не купишь.

Коршунов. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю – тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! (Разгорячаясь, ходит.) Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой: я словом да взглядом, пуще чем делом, доведу; я прохожу... отдыху не дам человеку... я... (Останавливается и хохочет.) А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?... хе... хе... Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик... А уж вас-то я буду на руках носить (припевает), в люльке качать, приговаривать... (Целует у ней руки.)

Гордей Карпыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать, да здесь, значит, с тобой и разопьем. (Подходит к двери.) Эй малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. (Садится.) Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Коршунов. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки, однако? (Смотрит на него.) Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где же им оценить.

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фициант в нитяных перчатках. Этот фициант, он ученый, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал.

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капитала, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйста сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйста: история вышла-с. (Смеется.)

Гордей Карпыч (подходя). Что там?

Егорушка. Да дяденька, Любим Карпыч, вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. (Хохочет.) Вы, говорит, рады чужой хлеб есть... Я, говорит, тоже хозяин... я, говорит... (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Тсс... Снял он мою голову! (Уходит с Егорушкой.)

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находит.

Входят: Пелагея Егоровна, Разлюляев, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Любовь Гордеевна, Пелагея Егоровна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна (в дверях). Где братец-то?... Где Любим Карпыч-то? Что он наделал – беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха... ха... ха!... Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда. (Садятся на диван.)

Входит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, Боже мой, опять!

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха, ха, ха!...

Любим Карпыч. Гур, гур, гур... будь, буль, буль!... С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!... Приятелю! (Протягивает руку Коршунову.) Наше вам-с!... Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч (загораживая лицо руками). Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке собирал.

Любим Карпыч. Ты помнишь, как я по копеечке собирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть советно!

Коршунов. Ты все такой же шутник! (Обращаясь к Любви Гордеевне.) Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенькой.

Любим Карпыч. Тсс... Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!... Дешевле не отдам.

Коршунов (смеется). Уступки не будет?

Любим Карпыч. Ни копейки!

Разлюляев. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов. погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе...

Любим Карпыч. Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдает, а я шучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч. Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. (Коршунову.) Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Разлюляев. Вот так задача!

Коршунов. Почему я знаю.

Любим Карпыч. Для того, чтобы все знали, что он осел. (Брату.) Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч. Это не твое дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный – не водись с бесчестным, не трись подле сажи – сам замараешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!... Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!... Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна (вскакивает в испуге). Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гости и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! (Хохочет трагически.)

Коршунов (вскакивает). Не верьте ему, он врет, он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленькой, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч (прислуге). Уведите его!

Любим Карпыч (поднимая один палец кверху). Сс... Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!... О люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. (Обращаясь к толпе.) Шире дорогу – Любим Торцов идет! (Уходит и тотчас возвращается.) Изверг естества! (Уходит.)

Коршунов (принужденно хохочет). Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе. Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да поклоняйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов. Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе...

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого мне вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

Входит Митя и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Митя.

Митя (обращаясь к толпе). Что такое за шум-с?

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам!

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да... за Митьку отдам... завтра же. Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршунов. Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться!»! Врет он, не пойду кланяться! Назло ему за Митрия отдам.

Все удивлены.

Митя (берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу). Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша милость, так уж вы благословите нас, как следует – по-родительски, с любовью. Как любим мы друг друга, и даже до этого случаю хотели вам повиниться... А уж я вам, вместо сына, то есть всегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу быть им ровней; но, впрочем, судите как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душой-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. (Отходит.) Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастья – отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь – за одного, то за другого. Что она тебе, на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч (из толпы). Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Гордей Карпыч. Что ж я, изверг, что ли, какой в своем семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей из
глупости... Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану
Савичу чета, да и то горе мычут.

Любим Карпыч. Пустите меня! (Поет.) Трум-ту-тум, трум-ту-тум! (Пляшет.) Посмотри
на меня, вот тебе пример – Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой
дорожке ходил – знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил,
такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да
вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю
жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! (Становится на
колени.) Брат, отдай Любушку за Митю – он мне угол даст. Назябся уж я,
наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска
хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил
милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей.
Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет! Что он беден-то!
Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч (утирает слезу). А вы и в самом деле думали, что нет?! (Поднимает
брата.) Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не
знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. (Обнимает Митю и Любовь
Гордеевну.) Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин. Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой
человек.

Гуслин. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

Анна Ивановна. Ну, теперь пойдет у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Рязлюляев (подходит к Мите и ударяет его по плечу.) Митя!... Для приятеля... все
жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. (Ударяет по руке.) Одно
слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас,
коли на то пошло! (Утирается полой и целует Митю.) А это он правду говорит:
пьянство не порок... то бишь – бедность не порок... Вот всегда проврись!

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и все тут! (К девушкам.) Ну-ка, девушки,
веселенькую... да, веселенькую... Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе...

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс... Слушай команду! (Запевает; девушки подтягивают.)

У нас дело-то сделано...
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Бедность не порок. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!